

УДК 81'42: [316.75: 32]

ВЕРБАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОЯВЛЕНИЙ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РУНЕТЕ¹

Владимир Александрович Салимовский

д. филол. н., профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. salimovsky@rambler.ru

Денис Владимирович Яруллин

студент филологического факультета

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. d.v.yarullin@ya.ru

В статье предложен способ построения вербальной модели проявлений в Рунете массового политического сознания, которое рассматривается как экстралингвистическая составляющая дискурса. Охарактеризована функционально-стилистическая традиция включения в исследование экстралингвистических факторов. Основной единицей анализа выступает идеологема (идеологический концепт) в единстве с ее лексическими маркерами. В дискурсе, объективирующем ту или иную политико-идеологическую позицию, маркеры систематизируются в соответствии с поляризационным принципом организации идеологем: «Мы (свои)» – «Они (чужие)». Описывается подход к последующей формализации вербальной модели для создания программного средства.

Ключевые слова: вербальная модель; дискурс; массовое политическое сознание; идеологема; Рунет.

1. Постановка задачи. Интернет все в большей степени влияет на политический процесс. Изучение этого влияния нуждается в мониторинге контента: характерных для разных групп пользователей ценностей, ориентаций, установок, ожиданий, мнений, т. е. в наблюдении над динамикой массового ментально-речевого взаимодействия.

Актуальной становится задача автоматического распознавания в Сети текстов, выражающих те или иные социальные настроения и политико-идеологические позиции. Ее решение предполагает создание программного средства, лингвистический модуль которого представляет собой систему речевых показателей каждой позиции (лоялистской, патриотической, либеральной и др.) и служит базой последующего формализованного описания, реализуемого в виде программы. Отметим, что лингвистический этап работы является в этом случае наиболее сложным, поскольку он предполагает обращение к фундаментальной для политической лингвистики, но пока почти не изученной проблеме речевой объективации массового политического сознания.

2. Политическое сознание как экстралингвистическая составляющая дискурса. Базовое

положение теории дискурса о необходимости изучения речи в единстве с социальными и психологическими факторами было эксплицировано уже в ранних работах М. М. Бахтина [1993а, б, в]. Ученый отмечал, что речевое общение включается в различные виды социального взаимодействия, что в разных коммуникативных сферах слово по-разному отражает и преломляет действительность. Так, разговорное общение воплощает подвижную, быстро меняющуюся жизненную идеологию. Она непосредственно примыкает к экономическим и социальным процессам и одновременно соприкасается «со сферами различных оформившихся и специализированных идеологий» – с искусством, наукой, правом, политикой и др. [Бахтин 1993в: 19]. Каждая из областей идеологического творчества определяет закономерности вербального выражения: «Руководящие принципы для отбора и оценки лингвистических элементов могут дать именно формы и цели соответствующих идеологических образований» [Бахтин 1993б: 95].

Эти мысли М. М. Бахтина в дальнейшем получили развитие в функциональной стилистике. Формы сознания в единстве с соответствующими видами деятельности стали рассматриваться как

экстралингвистическое основание типологизации речи [Кожина 1966, 1968]. Данный критерий позволил выделить и охарактеризовать макростили литературного языка – научный, официально-деловой, публицистический, художественный, церковно-религиозный, обиходно-бытовой. Речевая системность каждого стиля рассматривалась в ее обусловленности своеобразием формы сознания и вида деятельности. Например, было показано, что в художественной сфере закономерности выбора, повторения, комбинирования, модификации языковых единиц разных уровней определяются установкой на образную речевую конкретизацию, на создание и выражение художественного образа, в научной сфере – задачей точного, логичного, однозначного воплощения абстрактной научной мысли [Кожина 1966]. Что касается публицистической речи, освещающей события социальной жизни, то ее стилиевая организация обусловлена прежде всего спецификой политико-идеологического сознания и информационно-пропагандистской деятельностью [Костомаров 1971, Солганик 1981, Васильева 1982а и др.].

В последующем развитии стилистики проявилась тенденция к снижению уровня абстракции при рассмотрении процессов дифференциации речи, к переходу от макростилей к жанровым разновидностям различных сфер общения [Васильева 1982б, Гайда 1992, Жанры 1997–2012 и др.]. Это потребовало включения в исследование более полных сведений о содержании и строении форм сознания [Салимовский 2002, Дускаева 2004].

Одновременно в ряде направлений дискурсивного анализа, восходящих к идеям М. Фуко [1996], предметом изучения стали идеологически обусловленные речевые практики. Дискурс стал рассматриваться как предзаданный способ мышления и речевого поведения, связанный с осуществлением власти. В. Е. Чернявская так обобщает его характеристики: «Дискурс... устанавливает степень значимости, целесообразности, важности того или иного высказывания относительно всей системы...». Им «охватываются все возможности для (не)появления альтернативных, конкурирующих, “чужих” идей и смыслов...». Его языковая идентичность создается «совокупностью стереотипизированных, конвенциональных языковых средств, структур, приемов» [Чернявская 2013: 134].

Очевидно, что при изучении закономерностей организации дискурса важно опереться на лингвистическую традицию и при этом учитывать результаты исследований политического сознания. В последние десятилетия проявился интерес не только и не столько к его онтологическим или

гносеологическим основаниям, сколько к реальному функционированию, составу и внутренней дифференциации. В фокусе внимания оказались переплетения политизированных установок и повседневных ориентаций, научных понятий, мифологизированных суждений и заблуждений [Тощенко, Харченко 1996: 9–10].

Рассмотрение экстралингвистической базы политического дискурса в Интернете требует обращения как к теоретическому, так и к обыденному сознанию, в том числе к различным направлениям политической идеологии и их преломлению в массовых настроениях – особых переживаниях комфорта или дискомфорта, которые отражают степень удовлетворенности социально-политическими условиями жизни и характеризуются отрывочностью, противоречивостью, повышенной эмоциональностью [Ольшанский 2002: 66, 405].

3. Идеологема и ее типичные вербальные маркеры. В общем плане идеологеме можно определить как элемент той или иной политической идеологии.

Принято различать теоретический, программно-политический и актуализированный уровни функционирования идеологии [Соловьев 2005 и др.]. На теоретическом уровне (иначе его называют уровнем социальной философии) она предстает как система основополагающих понятий и утверждений, выражающих идеалы, ценности, оценки социальной группы. На программно-политическом уровне основополагающие идеи преобразуются в программы, лозунги, требования, определяемые конкретными условиями общественной жизни. Актуализированный уровень характеризует степень освоения людьми пропагандируемых идеалов, программ, лозунгов, меру их воплощения в политическом поведении граждан.

Идеологема как отражение социально-политической действительности является когнитивно-аффективным образованием. На теоретическом уровне преобладает когнитивная составляющая отражения, на программном – эмоционально-чувственная, оценочная. Она доминирует и в массовом политическом поведении, т.е. на актуализирующем уровне.

В лингвистике идеологемы принято соотносить с семантикой слова [Купина 1995, Чудинов 2007 и др.] или с концептом [Гусейнов 2005, Малышева 2009, 2011 и др.]. Если учесть, что значение слова является языковой презентацией концепта [Стернин 2006], можно констатировать, что эти подходы к идеологеме не противоречат друг другу, но лишь по-разному определяют границы исследуемого объекта.

Действительно, говоря о лексическом значении, лингвисты обычно сравнивают его с понятием. Так, Ю. С. Степанов отмечает, что значение слова, подобно понятию, отражает общие и одновременно существенные признаки предмета, познанные в общественной практике людей, и что оно стремится к понятию как к своему пределу [Степанов 1975]. «Понятие, – продолжает автор, – может быть развернуто в целостную совокупность суждений. С другой стороны, целостная совокупность суждений о предмете или явлении действительности может быть представлена в сжатом виде одним понятием» [Степанов 1975: 11]. В свою очередь, «значение слова может быть развернуто в предложение или в целостную совокупность предложений» [там же].

Между тем в структуру концепта включается не только все то, что принадлежит строению понятия (или лексического значения), но весь состав социокультурно значимых признаков предмета отражения [Степанов 1997, Попова, Стернин 2007 и др.]. Поэтому круг высказываний, развертывающих концепт (но полностью его не выражающих), значительно шире состава высказываний, воплощающих признаки лексического значения.

Можно, очевидно, утверждать, что если слово, называющее концепт, является важнейшим языковым средством его репрезентации как целостного образования, то высказывание – основная речевая единица, представляющая те или иные концептуальные признаки.

В высказываниях фиксируются языковые показатели концепта. При всем их потенциальном многообразии основными маркерами являются номинативные единицы – слова и словосочетания, представляющие собой готовые к употреблению сегменты языковой материи, т.е. коммуникативные фрагменты [Гаспаров 1996].

Концепты могут типологизироваться по разным основаниям, в том числе по их отнесенности к той или иной сфере познавательно-коммуникативной деятельности [Болотнова 2004, Красавский 2008]. В последнем случае идеологемы трактуются как концепты политико-идеологической сферы² [Клушина 2008]. Обычно они обнаруживают свойства стереотипов – чрезмерных обобщений, которые, с одной стороны, помогают ориентироваться в обстоятельствах, с другой – препятствуют непредвзятой оценке фактов и восприятию новой информации [Ольшанский 2002].

Изучая функционирование идеологем в политическом дискурсе, важно учитывать, что идеология как система концептуально оформленных смыслов [Новая 2000] поляризуется противопоставлением “Мы (свои)” – “Они (чужие)” [Муси-

хин 2011]. При этом в каждой идеологической системе можно выделить базовые концепты, реализующие данное противопоставление. Содержанием этих концептов, его смысловыми признаками являются другие концепты.

Например, в идеологии КПРФ базовыми являются концепты *социализм* (“наша” политическая цель) и *капитализм* (политическая цель антагонистов). Показательны антитезы, содержащиеся в тексте политической программы этой партии: *Россия находится на крутом изломе своей истории. Обманом и насилием страна возвращена к капитализму ... Стратегическая цель партии – построение в России обновленного социализма <...> Принципиальный спор между капитализмом и социализмом ... не завершён... Современная эпоха представляет собой переход от капитализма к социализму* (Программа <http://kprf.ru/party/program>).

Содержание указанных концептов раскрывается множеством высказываний, включающих другие концепты. На теоретико-идеологическом уровне последние, по существу, совпадают с научными понятиями, элиминирующими оценочное отношение к денотату (хотя оно может имплицитно проявляться в контексте):

КПРФ рассматривает социализм как... общество, базирующееся на общественной собственности и распределяющее жизненные блага по количеству, качеству и результатам труда. Это общество высокой производительности труда и эффективности производства ...;

Подтверждается ленинское учение об империализме как высшей и последней стадии капитализма. Процесс концентрации капитала привел в начале XX века к образованию крупных монополистических союзов. Произошло слияние банковского капитала с промышленным.

Между тем на программном уровне концепты реализуют преимущественно оценочное содержание, причем не только и не столько рациональное, сколько эмотивное, выражаемое коннотацией их вербальных маркеров:

...складывается передовой отряд ... рабочего класса ... В руках этой авангардной силы судьба не только России, но и всей человеческой цивилизации; Это общество подлинного народовластия; Партия добивается создания условий для честных выборов всех органов власти.

Дальнейшее сохранение капитализма... грозит катастрофой; ... это стремление было

обманном путем использовано предателями социализма ... перерожденцы ... осуществили контрреволюционный переворот; ...недопустимы компромиссы с антинародным курсом нынешней власти.

В то же время на актуализирующем уровне, отраженном в интернет-коммуникации, содержание идеологом отличается повышенной (нередко предельной) эмотивностью, а их маркерами часто является лексика, выходящая за рамки литературного употребления. Это сфера проявления групповых настроений, обычно стимулируемых редакторами или модераторами ресурса. Так, общение в блоге КПРФ в «Живом журнале» открывается слоганом: *Власть и собственность народу, едросью за шкуру в воду* (<http://kprf-blog.livejournal.com/>). Заданная изначально установка на проявление враждебности к «чужому» и речевую агрессию реализуется в многочисленных записях пользователей, иногда с нарушением правовых норм [Салимовский, Ермакова 2011]. В то же время концепты, представляющие «свою» идеологию, напротив, характеризуются позитивной аффективностью. Примеры (нецензурную лексику заменяем знаком ●, имена собственные – знаком К, ошибки не исправляются):

Антикоммунистам и прочим ● ...; вся проблема пока у власти жулики-либерасты типа К К К... Нужно уничтожить всех подонков-либерастов ... которые разрушают экономику России; Пролетарии всех стран соединяйтесь! С этого лозунга великий гений современно-

сти, пророк Ленин начал русскую революцию.

Речевое воплощение массового (группового) сознания в Рунете отчетливо обнаруживает ряд известных социально-психологических закономерностей: конформность (принятие пользователем стандарта, мнения, свойственного группе), деиндивидуализацию, социальное «заражение», интеллектуальную закрытость (члены группы перестают слышать оппонента), поляризацию и радикализацию оценочных высказываний в межгрупповых отношениях и др. [Андреева 2001, Майерс 2005]. Влияние этих психологических процессов на организацию дискурса, в том числе на определение его границ вследствие исключения «чужих» смыслов, на модальные характеристики, а также на использование конвенциональных и стереотипизированных языковых средств, требует специального изучения.

Что же касается задачи формализованного описания политического дискурса, то для ее решения необходимым становится определение состава и взаимосвязи в текстах типичных маркеров идеологем.

4. Вербальная модель (демонстрационный материал). Представляется, что поляризационный принцип организации идеологем «Мы (свои) – Они (чужие)» может быть положен в основу вербальной модели той или иной разновидности политического дискурса. Каждая из общих тематических категорий («Мы», «Они») характеризуется набором признаков (подтем) – таких как «идейно-политическая идентичность», «социальная идентичность», «ценностные ориентации», «цели содержание политической деятельности», «результаты политической деятельности», «формы политической деятельности» и др.

Тематические разделы модели

Эти подтемы соотнесены с относительно устойчивым набором вербальных маркеров идеологем. Например, в современном коммунистическом (и шире – левопатриотическом) дискурсе подтема «идейно-политическая идентичность» по отношению к «своим» реализуется маркерами (*российские*) коммунисты, истинные партийцы, сторонники КПРФ, народный фронт, патриотические силы и др., по отношению к «чужим» – маркерами режим национальной измены, мафиозные группы, предатели социализма, перерожденцы, чужеродные элементы и др. Подтема

«результаты политической деятельности» по отношению к «своим» представлена маркерами со смысловым компонентом «достижения»: *построение социализма, индустриализация, многонациональный союз, ратные подвиги, социальные завоевания* и др., по отношению к «чужим» – со смысловыми компонентами «катастрофические последствия», «преступления»: *абсолютное обнищание, вымирание страны, деградация образования, разрушение Союза ССР, расстрел парламента* и др. Ср. речевые маркеры идеологем, относящихся к другим подтемам:

Подтема (признак)	«МЫ (свои)»	«ОНИ (чужие)»
Социальная идентичность	<i>(простой) народ, рабочий класс, пролетариат, трудящиеся, люди труда</i>	<i>олигархи, ворье, продажные, растратчики, бандиты</i>
Ценностные ориентации	<i>патриотизм, равенство, преемственность поколений, наследие отцов и дедов, культура великой страны</i>	<i>гонка за Западом, продажная культура, дешевый гламур, развал семьи</i>
Цели и содержание политической деятельности	<i>левый поворот, единство страны, процветание страны, борьба с коррупцией, народный контроль, правительство национального доверия</i>	<i>спекулятивный капитализм, нефтяная экономика, развал страны, разбазаривание страны, раскол в обществе, переписывание истории</i>
Формы политической деятельности	<i>протестные акции, митинги, шествия, съезды, собрания</i>	<i>сборища, сходки, селигеры</i>

Такова лингвистическая основа последующего формализованного описания. Разрабатываемое программное средство предполагает анализ конкретного текста или массива текстов (с использованием взвешенной модели документа) с целью выявления определенных лексико-семантических паттернов, интерпретируемых как проявление той или иной идеологии. Для лемматизации, т.е. приведения зафиксированных в тексте форм слова к начальной форме, применяется словарная морфология. При обнаружении паттерна, классифицируемого системой как относящегося к той или иной идеологии, к общему весу текста или массива (изначально равному 0) прибавляется вес данного паттерна. Разные паттерны имеют различный вес. При суммарном весе, превышающем определенный порог, текст или массив текстов интерпретируется как выражающий ту или иную идеологию. Допускается возможность применения эвристических алгоритмов с функцией самообучения. Дополнительной устойчивости алгоритма предполагается достичь использованием нормализаторов орфографии на основе расстояния редактирования.

В качестве аппаратной платформы системы планируется использовать искусственную нейронную сеть. Особое внимание уделяется параллельной обработке текста несколькими узлами сети с целью уменьшения процента ошибок.

В настоящее время нами проводится формирование обучающей выборки на основе размещенных в открытом доступе текстов с однозначно трактуемой идеологией (к примеру, использованных в качестве демонстрационного материала текстов левопатриотического содержания), определение критериев построения паттернов на основе формализуемых языковых и речевых средств.

Примечания

¹ Работа издается при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-14-59007 а/У.

² Как известно, идеологические смыслы актуализируются в текстах и других сферах общения, включаясь в бытовые представления, художественные образы, правовые нормы и т.д.

Список литературы

Бахтин М. М. Под маской. Маска первая. Волошинов В. Н. Фрейдизм. М.: Лабиринт, 1993а. 120 с.

Бахтин М. М. Под маской. Маска вторая. Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении. М.: Лабиринт, 1993б. 206 с.

Бахтин М. М. Под маской. Маска третья. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993в. 188 с.

Болотнова Н. С. Когнитивное направление в лингвистическом исследовании художественного текста // Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике серебряного века. Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2004. С. 7–19.

Васильева А. Н. Газетно-публицистический стиль речи. М.: Рус. язык, 1982а. 198 с.

Васильева А. Н. Уровни стилистической абстракции и основные уровневые разделы функциональной стилистики // Основные понятия и категории лингвостилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1982б. С. 34–42.

Гайда Ст. Стилистика и генология // Статус стилистики в современном языкознании / Перм. ун-т. Пермь, 1992. С. 26–33.

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 352 с.

Гусейнов Г. Ч. Карта нашей родины: идеологема между словом и телом. М.: ОГИ, 2005. 216 с.

Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004. 276 с.

Жанры речи. Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина (Вып. 1–3), В. В. Дементьева (Вып. 4–8). Саратов, 1997–2012.

Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста: автореф. дис... д-ра филол. наук. М., 2011. 57 с.

Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1966. 213 с.

Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1968. 252 с.

Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М.: Изд-во МГУ, 1971. 267 с.

Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008. 374 с.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 144 с.

Мальшева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. №4(30). С. 32–40.

Мальшева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: автореф. дис... д-ра филол. наук. Омск, 2011. 47 с.

Мусихин Г. И. Дискурсивный анализ идеологий: возможности и ограничения // Политические исследования. 2011. №5. С. 128–144.

Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000. Т. 1–4. 2659 с.

Ольшанский Д. В. Политическая психология. СПб.: Питер, 2002. 576 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание. М.: АСТ, 2007. 408 с.

Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.

Салимовский В. А., Ермакова Л. М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3. С. 71–80.

Солганик Г. Я. Лексика газеты. М.: Высш. шк., 1981. 112 с.

Соловьев А. И. Политология: политическая теория, полдтические технологии. М.: Аспект Пресс, 2005. 559 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки рус. культуры, 1997. 824 с.

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 272 с.

Стернин И. А. Методика лингвоконцептуального анализа // Русский язык как иностранный: Теория, исследования, практика. СПб.: Сударьяна, 2006. Вып. 8. С. 8–20.

Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996. 196 с.

Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-центр, 1996. 208 с.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Флинта: Наука, 2013. 208 с.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2007. 254 с.

VERBAL MODEL OF MASS POLITICAL CONSCIOUSNESS MANIFESTATIONS IN RUNET

Vladimir A. Salimovsky

Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State National Research University

Denis V. Yarullin

Student of Philological Faculty
Perm State National Research University

The article is focused on the method of building a verbal model of mass political consciousness manifestations in Runet. Mass political consciousness is considered as an extra-linguistic component of the discourse. The functional and stylistic tradition of extra-linguistic factors inclusion in research is regarded. The ideologem (ideological concept) combined with its lexical markers is chosen as a fundamental unit for the analysis. In the discourse which objectifies a political-ideological position the markers are systematized according to the polar opposition of the ideologem organization: “We (our people)” – “They (others)”. The approach to further formalization of the verbal model for the purpose of the software tool creation is also described.

Key words: verbal model; discourse; mass political consciousness; ideologem; Runet.